

Владимир Янсюкевич

Роковой вояж

Футурологическая
байка

Владимир Янсюкевич
Роковой вояж.
Футурологическая байка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22074203

ISBN 9785448343339

Аннотация

Неотвязные мысли о бренности существования легли в основу футурологической повести Ф. Неверова, герой которой, журналист, в недалёком будущем отправляется на Марс для освещения жизни колонистов. По пути корабль землян захватывают космические пираты и журналиста сбрасывают на неведомую ему звезду. А через пять лет, благодаря тем же пиратам, он возвращается домой. Однако на Земле за время его космической одиссеи проходит пятьсот с лишним лет...

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	21
Глава третья	30
Глава четвёртая	62
Глава пятая	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Роковой вояж
Футурологическая байка
Владимир Янсюкевич

© Владимир Янсюкевич, 2016

© Игорь Макаров, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-4333-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гусь! промывает попузыри
Ивану венчает сорок лет!

*

Время – дитя играющее, кости бросающее.
Гераклит

*Человек, быть может, и есть всего-навсего мысль
о смерти.*
Юрий Мамлеев, «Яма»

Глава первая

На шестьдесят первом году жизни Фёдор Михайлович Неверов утратил чувство времени. А вслед за ним и чувство реальности. Он не понимал ни какой сейчас год, ни какой месяц, ни какой день. И лишь различал тьму и свет за окном, с неукоснительной периодичностью сменявшие друг друга вследствие вращения земного шара вокруг своей оси.

Облачённый в лёгкую белоснежную пижаму он лежал на спине, вытянув ноги и положив руки вдоль тела ладонями вниз, и явственно ощущал свою невесомость. А ползущие на потолке яркие всполохи света от проезжавших автомобилей принимал за хвосты комет, пролетавших в опасной близости от его, дрейфующего во тьме мироздания, ложа.

Последнюю неделю по ночам он периодически вскакивал, водил руками по воздуху в поисках точки опоры, испуганно оглядывая комнату. Затем снова единым махом откидывался на подушку и закрывал глаза. И долго ворочался с боку на бок, словно искал, где можно укрыться от преследовавших его видений. А под утро засыпал сном праведника.

Коротко скрипнула дверь – в комнату заглянула Мария, дочь Неверова, тридцатипятилетняя женщина, фигуристая, с грудью и талией и на лицо красивая, но при этом напрочь лишённая обаяния, что делало её природную красоту мало-

привлекательной для мужчин, как цветок, лишённый запаха.

– Пап, ты спишь?

Он не спал, но ответил не сразу, словно что-то мучительно преодолевая в себе, с той невыносимой медлительностью, какая бывает во сне.

– Нет.

– А почему в темноте?

– Время Тьме.

– Не усложняй, – бросила она походя с ненавязчивым указанием в подтексте: «делай как я».

Мария пошла по стопам отца. Тоже – писатель (ница). Однако в отличие от него, она как раз упрощала. Её писанина была сродни сладкому пирогу, который хоть и красив с виду, неупотребим в пищу ни при каком застолье. И не столько из-за обилия всевозможных искусственных добавок, сколько из-за полного отсутствия натуральных ингредиентов – так отозвался Неверов о её первой литературной стряпне. Она тогда не приняла его всерьёз, приписав столь откровенно нелестное замечание ревности литератора к успеху коллеги – у неё сразу нашёлся издатель. И в своей личной жизни Мария уже не раз натыкалась на непреодолимую преграду непонимания, благодаря своей склонности к бесконечному упрощению. Из чего однажды сделала скоропалительный вывод: мужчины всегда и всё усложняют, а это вредит нормальным отношениям. Некоторые природные особенности

(как психические, так и физиологические) мужчин, с которыми ей доводилось сталкиваться, она без колебаний квалифицировала, как недостаток, не осознавая, что подобный взгляд на противоположный пол является её собственным, и довольно серьёзным, изъяном. Ведь не станет же человек в трезвом уме и твёрдой памяти каждый раз, проходя мимо бочки, пинать по ней ногой с досады, что она круглая, а не квадратная. Короче, сказочный принц обошёл её стороной, а сама она была принцессой на горошине. И нельзя сказать, чтобы все её причуды были следствием непростых семейных отношений. Родители любили и друг друга, и её, и всё делали для воспитания и образования дочери. Впрочем, наверное, слишком любили, и это отозвалось в ней гордыней. Да и «свет мой зеркальце» ежедневно склоняло свою хозяйку к самолюбованию. И при наличии не таких уж грандиозных способностей Мария предъявляла грандиозные требования к окружающим. А жила она по завезённой извне схеме: каждый сам за себя. Опыт родителей не в счёт – вышел из моды, и его без сожаления спустили через унитаз глобализации. Друзей по известной причине у неё тоже не было, кроме одноклассницы Ирины Мурашкиной, женщины простоватой и малообразованной, но не лишённой добросердечия. По словам Марии, Мурашкина сама навязалась в подруги – ей это «зачем-то было надо». А Мурашкина была просто другого склада, она жалела её – такая красивая и такая неустроенная! – и не раз с энтузиазмом кладоискате-

ля пыталась свести её с кем-нибудь из знакомых своих знакомых, чтобы хоть как-то осчастливить незадачливую одноклассницу. Между тем, для самой Марии цену имели только деловые контакты – эмоциональная составляющая усложняла отношения, а это ей претило (ничего личного). Отсюда неистребимая фальшь, сквозившая в каждом её слове.

Мария распахнула дверь, прошла в комнату. Монитор излучал голубоватый свет, выхватывая из темноты большой портрет матери на стене и край книжного шкафа. Неверов лежал на спине, упёршись взглядом в потолок.

– Роман закончил?

Неверов скривился.

– Это не роман.

– Хорошо, повесть.

– И не повесть! – В его голосе вскипело раздражение.

– А что?

– Просто... фантазия. Да и какая разница!

– Хорошо-хорошо, успокойся. Пусть будет фантазия. Я просто спросила. Можно? – Мария указала на светящийся экран монитора. – Заодно вычитаю ошибки.

– И добавишь своих, – услышала в ответ.

– Папа, ты слишком груб со мной, – сказала она через паузу спокойным тоном. – Тебе не кажется?

– Зато справедлив.

– Прощаю. Потому что люблю.

– Сомневаюсь.

Мария завела глаза к люстре, демонстративно набрав воздуха и выдохнув с показным равнодушием – мол, дело твоё, меня это несколько не напрягает.

– Так я прочту?

– Только после мамы. Она блестящий редактор. Заодно подскажет... А то я запутался... Позови её.

«О! Какой странный у него сегодня разговор», – подумала Мария. Она всё ещё надеялась, что это его очередная и, надо сказать, небезопасная для психического здоровья мистификация.

– Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. Почему ты спрашиваешь? Позови маму.

Мария долго со значением смотрела на отца, постукивая пальцами по косяку, и ответила скупой:

– Её нет, – и тут же добавила: – К сожалению, – вложив в это «и потому иметь дело с тобой придется именно мне, что меня угнетает из-за твоего неуживчивого характера».

– А где она?

– Надеюсь, на небесах.

Под ним дрогнуло ложе. В глазах, словно две звезды взорвались, он сердито передёрнул плечами.

Мария щёлкнула выключателем. Искусственный свет сменил естественную темноту. Она подошла к отцу.

– Ужин готов. Пойдём...

– Позови мать! – вскричал он с капризным вызовом.

Мария присела на кровать, положила свою холодную ладонь на его пылающую руку.

– Папа, очнись. Она умерла.

– Умерла? – Неверов закрыл глаза, беззвучно пошевелил сухими губами, словно что-то прикидывая одному ему ведомое. – Когда?

– Завтра десять лет.

Он открыл глаза. Произнёс с интонацией учёного, обрадованного хорошим результатами в ходе сложного и ответственного эксперимента, будто речь шла о подопытном животном:

– Так много прожила?

– Я бы не сказала.

Он привстал на локтях, взглянул на дочь пристально:

– А почему ты жива? – Затем поднёс руку к её лицу, лёгким касательным движением провёл по щеке. – Кожа гладкая. Ты молодо выглядишь... Тоже принимаешь антисмертин?

И только теперь Мария, всегда всё упрощавшая, почувала неладное.

Ночь она провела в тревожных раздумьях. Только этого ей не хватало. Завтра непременно позвонить Иришке. Главврач психиатрической клиники – её близкий родственник. Кажется, он приходится ей дядей по материнской линии. Или что-то в этом роде. Она часто поминает его в разговоре. Видимо, у них хорошие отношения. Пусть что-нибудь посоветует.

Однако на следующий день жизнь возобновилась в нормальном режиме. У отца был хороший аппетит, он много шутил, после обеда отправился в парк на прогулку, а возвратившись, принялся за Набокова, который, как он говорил, успокаивал его своей холодной наблюдательностью, поэтическим складом речи и довольно выразительной передачей в слове жизненных мелочей.

А ещё через два дня реальный мир вновь уступил место воображаемому. Отец стал задавать нелепые вопросы, интересовался подробностями придуманной им жизни.

– Маша, ты прошла регистрацию?

– То есть?..

– Надо сделать правильный выбор. Не дай бог ошибиться. Обязательно запишись к евреям!

Мария не на шутку запаниковала. К тому времени она уже прочла отцовскую повесть и поняла, откуда дует ветер. Он упорно идентифицирует себя со своим героем. Он влез в его шкуру так глубоко, что выбраться оттуда собственными силами, пожалуй, будет непросто. Звонить! И звонить немедленно!

Мурашкина так обрадовалась звонку подруги, что первые двадцать минут не давала ей слова сказать и выложила все свои новости за тот промежуток времени, пока они не обща-

лись.

...рассказала: как они с мужем отдыхали в Анталии как его там все принимали за турка он у меня внешне такой ближневосточный азиат прям ужас как они ездили в Испанию и их там вчистую обокрали в гостинице пока они жарились на пляже ой да ты наверное не в курсе мы купили классную тачку-минивэн чтоб и детям было просторно и вещи куда положить а муж у меня такой классный водила за пять лет ни одной аварии и заработок у него что надо у него фирма своя по строительству и детей делает хорошеньких потому что с удовольствием ой извини за подробности как начнёт так и но я дальше не буду я безумно счастлива прям сил нет так и распирает поделиться ждём третьего я хочу девочку у нас два мальчика а муж хочет опять мальчика ему видней а ты как ой ничего не говори я всё про тебя знаю и даже больше ничего подруга прорвёмся кстати у моего мужа работает один водителем правда но такой видный мужчина ему под сорок и не женат сам высокий плотного телосложения а глаза прозрачные как родники и усы как у Якубовича только не седые конечно а поёт заслушаешься русские народные муж его бережёт ой ты упадёшь он у меня недавно бороду отпустил для солидности она у него чёрная и кудрявая и когда целует щекотно до невозможности я смеюсь а он обижается а свекровь такая чудная мамаша вроде бы всё для сына и с детьми сидела пока мы по турциям да испаниям разъезжали сидела она с детьми как же у телевизора

сидела и дымила как паровоз а меня девочкой называет такая смешная девочка ты умеешь готовить манную кашу Клара Антоновна говорю её зовут Клара Антоновна представляешь впервые такое встречаю она типичная Клара Антоновна как на заказ сделана как же говорю не могу у меня муж двое детей ой какие у меня хорошенькие мальчики ты должна их увидеть я и не только кашу я всё могу щи-борщи рагу котлеты что пожелаешь сама пельмешки леплю пироги пеку запеканки всякие мои дети обожают шарлотку я и тебе могу испечь ты же помню любила яблоки в школу с яблочком всегда приходила так я почти каждый день их балую а постирать а погладить младшенький Игорёчек любит по лужам бегать ну и пусть дитё всё-таки домой приходит весь в чёрных брызгах ну конечно маечку штанцы сразу в стирку нет она чистокровная Клара Антоновна девочка это она мне вы по заграницам разъезжаете а ваши дети достают меня своими выкрутасами то им погулять хочется то книжку почитать то драку затевают представляешь при мне они никогда не дерутся это она или выдумывает или просто с ней дети с ума начинают сходить от скуки нет говорит чтоб у телевизора посидеть как я сижу она у нас такая дамочка встаёт часов в одиннадцать брызнет на лицо холодной водой заварит кофе и усядется перед теликом вся в белом халате и курит при этом какие-то гадкие папиросы я не могу я задыхаюсь говорю хоть бы при детях не курили вредно ведь нет представляешь наслушается всяких глупостей по телику а потом

других начинает поучать тут как-то она мне ты много разговариваешь да я разговариваю а что поделывать люблю поговорить ну и что живой человек но я же при этом дело делаю вот я с тобой сейчас говорю а сама у плиты нет она неисправима а я их специально не подпускаю к телевизору пусть лучше живую природу воспринимают пускай видят как собачки в овраге возьтятся пускай слушают как птички поют я у них телефоны отбираю когда гуляем пускай со мной разговаривают а не в телефон пялятся вырастут горбатыми с опущенной головой а ещё там какие-то игры дурацкие нечего глупостями голову забивать у нас такой чудный парк там и речка и белки кругом мы и на спортплощадку ходим там зимой каток а летом в настольный теннис сражаемся я с ними и леплю и рисую нет ты подумай за пять лет мы всего два раза отдыхали и то не больше двух недель а она мне ты слишком любишь своих деток их надо не любить а воспитывать а я что делаю воспитывать говорит пока они малые а вырастут тогда и люби сколько влезет и они тебе спасибо скажут у нас разные представления о воспитании слишком разные при муже она себе не позволяет так разговаривать а когда его нет оттягивается значит скажут они потом дождись нет ты представляешь сказать-то скажут а что услышишь не обрадуешься скажут вот ты мамка в детстве нас воспитывала изо всех сил а теперь извини-подвинься мы сами с усами и ты нам не нужна такая правда ведь и будут правы а я с ними и читаю и гуляю я и работу бросила муж говорит жена должна

по хозяйству управляться и за детьми ухаживать а я заодно и фитнесом занялась располнела в последнее время что там Винни-пух в гостях у Кролика в туалет еле влезаю вот ведь до чего безмозглые эти строители или кто там всё это придумывает архитекторы инженеры на нас экономят в квартире должно быть просторно вот скажи мне ну почему в туалете дверь должна быть шестьдесят сантиметров а не восемьдесят как входная сию как сельдь в бочке как дура в коробочке в стенки локтями упираюсь ну ничего скоро этому издевательствам конец загородный дом строим вон из города на природу там всё будет как я скажу а муж говорит не обращай внимания в самый раз баба говорит должна быть осязаемой в руках у мужика он должен понимать что не швабру держит а сосуд убажжающий так он вчера выразился когда мы спать легли ой он иногда такое скажет за что я его и люблю я ему плачусь в волосатую грудь располнела мол а он сексу это не помеха даже приятней получается от костлявой бабы говорит одни синяки остаются ха-ха-ха нет ты только послушай ой он такой энергичный и такой фантазёр как в тысяче и одной ночи ему надо было родиться каким-нибудь восточным правителем а я была бы его главной женой представляешь теперь я понимаю почему у них гаремы были в моде и наложниц неведомое количество и как они с ними управлялись не понимаю ведь это сколько сил надо чтоб каждую ночь с новой бабой ой в уме не укладывается нет-нет не подумай он мне не изменяет я для него заменяю всех женщина

на свете сам говорил стараюсь подыгрываю ой ты извини что я так подробно об этом я так счастлива ой у меня молоко убежало всё выключила немножко перелило через край подгорело слегка но ничего сейчас отскребу вытру я так счастлива так счастлива до чёртиков ой я всё про себя да про себя а ты что-нибудь новенькое написала я так люблю твои книжки в них конечно мало от жизни ты меня извини но зато так всегда красиво как в сказке побываешь ой у тебя скоро день рождения я помню что тебе подарить говори не стесняйся мне для лучшей подруги ничего не жалко у меня и записка для подобных случаев имеется признавайся как на духу давай встретимся мне тебе столько рассказать нужно и вообще не унывай ну я про то о чём раньше говорила всё понимаю ничего пробьёмся ещё не вечер...

Короче, отвела душу и заодно в гости напросилась. А когда, наконец, узнала причину звонка, заохала, запричитала, засыпала сочувствиями, и ещё минут десять-пятнадцать приводила в пример всякие малоприятные случаи из жизни своих родственников, которых у неё было столько, что только ими можно было бы заселить целый посёлок городского типа где-нибудь в ближнем Подмосковье. Вспомнила и своего очень дальнего родственника из Магадана, с которым произошло нечто подобное (уже в начале нулевых тому казалось, что на дворе тридцать седьмой), но надо отдать ей должное, тут же – не прошло и получаса – переговорила с дядей и, получив от него согласие, дала подруге номер его

домашнего телефона.

Телефонный разговор с доктором немного успокоил Марию.

– Такие случаи медицине известны, – ворковал главный врач психиатрической клиники Роман Борисович бодрым и вместе протяжным баском. – И, к сожалению, с творческими натурами они происходят гораздо чаще, чем с кем бы то ни было. И с литераторами в частности. Классический пример: Флобер. Он испытывал похожие муки, когда его мадам Бовари отравилась мышьяком.

– Да, но там, доктор, насколько я могу судить, была чисто физиологическая реакция.

– Однако катализатором послужило воображение. И кто знает, что бы с ним случилось, будь его психика послабее.

– А у моего отца произошёл сдвиг в сознании. Что гораздо серьёзней. Он выпал из реального времени.

– Вы абсолютны правы, это серьёзно. И давно с ним такое?

– Первые признаки появились сразу после смерти мамы. Но я не придавала им значения. Он стал относиться ко мне с каким-то непонятным раздражением, говорил странные вещи... Я думала, всё идёт от его излишней впечатлительности. И, конечно, импульсивного характера. А теперь поняла – ему надо понаблюдаться стóящим психиатром.

– Согласен.

– Но это лечится, доктор?

– Всё зависит, будем говорить так... от глубины перевоплощения. А так, навскидку, по-моему, здесь присутствует явное самовнушение. Или даже самогипноз. Ему, разумеется, требуется особое наблюдение и надлежащий уход.

– Доктор, займитесь им, прошу вас. А я готова заплатить... сколько скажете...

– Об этом речи нет. Привозите отца завтра. Скажем, часиков в двенадцать. Правда, с утра я буду занят, но к двенадцати, полагаю, освобожусь. Как бы то ни было, вас примут и без меня. Я сейчас же распоряжусь.

Доктор тут же, под диктовку Марии, записал личные данные Фёдора Неверова и напоследок предупредил:

– И ещё... желательно, чтобы его приезд был добровольным.

– Поняла, доктор. Думаю, улажу. Вчера он просил у меня прощения, говорил, что, наверное, болен.

– Чудненько. Значит, договорились, привозите.

Глава вторая

После того, как Неверов поставил точку в своей «фантазии», его жизнь превратилась в тягостно-тупое существование. Вместо обычной спокойной пустоты, он вдруг ощутил непонятную тоску на сердце, которая не отпускала его в любое время суток, словно ему нужно было куда-то спешить, но он не понимал – куда именно, словно ему необходимо было что-то срочно предпринять, но он не понимал – что конкретно. Он мучился этим, пытался каким-то образом выйти из этого состояния, пробовал увлечь себя новым замыслом – бесполезно. Казалось, душа его витает где-то далеко от него, в непостижимом умом пространстве, в тех отстранённых далях, где не рождается ни одна человеческая мысль, где есть только панические ощущения, где всё неусыпно пребывает в вечном ознобе и в страхе от своей заброшенности и незащищённости перед неизведанным. Ночью он либо с анабиозной неподвижностью долго смотрел за окно в ночное небо, либо бродил по квартире из угла в угол, как заключённый по камере, не в силах предаться спасительному сну. А ранним утром, освежив лицо прохладной водой и кинув мрачный взгляд на своё отражение в зеркале, заставлял себя одеться и выйти на улицу.

Предрасветный осенний воздух пробуждающегося города, очищенный за ночь частыми порывами ветра и настоян-

ный на обильной росе, дарил свежим и пряным запахом увядания. Перейдя овраг и поднявшись по зелёным террасам паркового склона, усыпанным жухлой листвой, он в течение получаса прохаживался по липовым аллеям, заложив руки за спину и машинально разглядывая мелко дроблёный гравий, мерно похрустывающий под тяжестью его располневшего за последние годы тела. Этот хруст под ногами действовал на него как успокоительное и был единственной реальностью, от которой он не вздрагивал и не приходил в раздражение. Он даже сделал попытку, повинувшись ритму шагов, ухватиться за какую-нибудь заслуживающую внимания мысль с тем, чтобы обдумать её основательно, но мозг решительно отказывал ему и в этой малости. А едва увидев первого прохожего, торопливо шагавшего в сторону метро, тут же, описывал дугу отчуждения по газонам и направлялся домой.

В течение дня спал урывками (или ему казалось, что спал). Беспокойные сны (или видения, мучившие сознание), с бесконечными лабиринтами, с толпами людей из прошлой жизни, от которых негде было укрыться и с которыми невозможно было разминуться, тоже не давали покоя. В промежутках ел без особого удовольствия приготовленные дочерью накануне непременно котлеты, как всегда слегка подгоревшие, и мелко нарезанный овощной салат, как всегда пересоленный, и возвращался со стаканом горячего чая к себе в комнату, а отпив два-три глотка, снова ложился, ощу-

щая во всём организме многочисленные очаги нездоровья. И тут же, себе в утешение, вспоминал чьё-то остроумное выражение: «Если ты однажды проснулся и у тебя ничего не болит, значит, ты умер». С ним случилось ровно наоборот: в одном месте колело, в другом ныло, в третьем посаживало, в четвёртом ломало, в пятом дёргало... а что происходило в других – словами не передать. И всё это складывалось в отвратительную картину сплошной болезненности. Но сознание того, что он жив, увы, не доставляло ему радости, а лишь усугубляло бессонницу. Среди ночи Мария, разбуженная бесконечным шарканьем его тапочек, спрашивала: «Папа, у тебя что-то болит?» На что он отвечал в раздражении: «Ничего не болит только у покойника!»

А в тот день, когда Мария разговаривала с доктором по телефону, Неверову особенно нездоровилось – ко всему прочему добавилась ещё и головная боль – и он, вопреки своим правилам, пожаловался дочери на недомогание.

И Мария сразу ухватилась за это, сообщила отцу, что у неё есть знакомый врач, заведующий городской клиникой (озвучивать профиль клиники она не посчитала нужным – из благих соображений), и он готов провести обследование.

– И это совершенно бесплатно, – добавила она с радостью. – Роман Борисович замечательный врач и весьма отзывчивый человек.

– Отзывчивость врачей меня пугает, – усмехнулся Неверов.

– А ты не пугайся. Всё очень просто. Он дядя Иры Мурашкиной, – успокоила отца Мария. – Грех не воспользоваться.

– Да-да, это в твоём стиле.

Мария пропустила язвительное замечание отца мимо ушей. Пусть говорит, что хочет, лишь бы согласился.

– Так ты готов обследоваться?

Неверов, не глядя на дочь, молча прошёл в свою комнату. Мария последовала за ним.

– Папа, я задала вопрос.

Он привычно поморщился, но без явной неприязни.

– И как долго это продлится?

– Доктор сказал, примерно с месяц.

– Ну что ж... Было бы неплохо. Заодно и моя повесть отлежится... Или не повесть, а... не знаю... Кое-что надо поправить. Только пока не знаю – как.

– Хочешь, я...

– Нет, не хочу.

– Так что мне сказать доктору?

– Ну, хорошо, я согласен.

– Тогда будь готов. Завтра отвезу.

На следующий день Мария, привыкшая к капризам отца, ожидала отказа от больницы, но, как ни странно, Фёдор Неверов не сказал ни слова против и покорно собрал необходимые вещи.

В клинике Неверова уже ждали. Мария проводила отца

до палаты, попрощалась и перед тем, как уехать, решила навестить главного врача – поблагодарить за отзывчивость и предоставленное отцу место.

– Романа Борисыча с утра вызвали на консилиум в Центральную клинику, – сообщила довольно пожилая медсестра. – И, по-моему, они ещё не вернулись.

– Вас как зовут, простите?

– Анна Григорьевна зовут. А зачем вам?

– Анна Григорьевна, милая, Роман Борисыч – мой хороший знакомый. Я только вчера разговаривала с ним по телефону, и он сказал, чтобы я привезла отца, а потом обязательно встретилась бы с ним для разговора. Это очень важно.

– Нам это понятно, девушка. Ну, дак нет его.

Марии не понравилось, что её назвали «девушкой».

– Меня зовут Мария, Мария Фёдоровна.

– Ну, дак что, девушка, они всё равно отсутствуют.

– А если я подожду? Мне необходимо с ним поговорить. Это связано с болезнью отца.

– Дело ваше. Ждите. В холле – диван.

Выйдя из палаты, Мария прошла в холл, уселась на диван. В течение получаса она что-то записывала на случайном листке для своей новой книги, а заслышав шаги, вскочила – по коридору степенным шагом шёл солидный мужчина в белом халате. Он поглядывал на молочные стёкла дверей и делал пометки в блокноте.

– Простите, вы не подскажете, Роман Борисыч ещё не...

– Я вас слушаю? – пропел он вальяжным баском.

– Так это вы?

– Как ни странно, – его лицо осветила доброжелательная улыбка.

– А мне сказали, что... – засуетилась Мария. – Вы уже вернулись?

– Как видите. А в чём дело?

– Доктор, я вчера с вами разговаривала по телефону... Я Мария, подруга Иры Мурашкиной... И вы любезно согласились поместить моего отца Фёдора Неверова в вашу клинику. На обследование.

– Так-так...

– Я привезла его. Он уже в палате.

– Чудненько. Значит, всё в порядке?

– Да, нас дежурный врач встретил и определил.

– Что ж, займёмся вашим отцом. Дней через десять можете навесть. Раньше не стоит. Будут какие-нибудь пожелания?

– Да, доктор. Я вас очень прошу, отнесите к нему с особым вниманием.

– Мы ко всем, уважаемая...

– Он не все, – перебила Мария. – Он известный писатель. Доктор тронул Марию за локоть и сказал с улыбкой:

– Осведомлён. Не стоит беспокоиться... Мария...

– Фёдоровна, – подсказала Мария. – Можно просто Мария.

– Просто Мария, – усмехнулся доктор, поправив очки. – Так в своё время назывался один мексиканский сериал, если мне не изменяет память.

– Да, кажется. Я тогда была маленькой.

– Не стоит беспокоиться, просто Мария. Обследуем все-сторонне. И коли будет необходимость, непременно подлечим. В какую палату его поместили?

– В шестую.

– Чудненько. Это лучшая палата в нашей клинике. Оттуда пациенты выходят свежими, как огурчики, и начинают новую жизнь. Ничем не омрачённую, так сказать. И с вашим отцом всё будет в порядке.

– Я вам так благодарна, доктор!

– Ну-ну! Наш долг помогать всем страждущим. Клятву Гиппократа никто не отменял.

– И вот ещё... Я привезла текст его повести...

– Повести?

– Он называет её «фантазией». Я распечатала. Разумеется, втайне от него, – Мария достала из сумки пачку листов и протянула доктору. – Обязательно прочтите. Думаю, она вам поможет при определении диагноза.

Доктор понимающе кивал, машинально перелистывая рукопись и слегка причмокивая полными губами.

– Только не подумайте... – поспешила оправдаться Мария. – И я иногда описываю нечто не встречающееся в жизни. Нечто из ряда вон выходящее... фантастическое, если

хотите... Но это больше похоже на светлую мечту. А у него такое... такое... Он болен, доктор. Ему требуется медицинская поддержка.

– Сделаем всё возможное. Поезжайте домой со спокойной душой.

– Спасибо, доктор. Вы меня обнадёжили. И, пожалуйста, не говорите ему, что я вам дала это. Он будет на меня сердиться.

– Будьте уверены, уважаемая просто Мария, – доктор прижал рукопись к груди, приложив палец ко рту. – Молчок, не подведу. И непременно прочту. Люблю, знаете, всякие фантазии...

Мария облегчённо вздохнула. «Папа в хороших руках».

Простившись с Марией, доктор какое-то время стоял у окна и наблюдал, как она подошла к машине, как открыла дверцу, как села, бросив последний взгляд на лечебницу, как отъехала, как выехала на дорогу, ведущую в город, и скрылась за деревьями. Затем завершил обход, дал кое-какие указания дежурным медсёстрам – те кивали ему с улыбкой – и вернулся к себе.

А ближе к вечеру сел за стол, включил настольную лампу – на больничный двор навалились сумерки – и углубился в чтение. К своему удивлению, он вошёл в повесть без труда и не вставал, пока не перелистнул последнюю страницу. Когда он очнулся и обнаружил себя полулежащим на стуле,

за окном сияло утреннее солнце, а на полу были разбросаны в беспорядке страницы рукописи Фёдора Неверова – видимо, сквозняк постарался. Доктор второпях собрал разрозненные листы, затем пошёл в туалет и сжёг их один за другим. А покончив с рукописью, вышел в коридор облегчённый и степенной походкой отправился на утренний обход.

Глава третья

(Рукопись Фёдора Неверова)

У всякого жителя Земли есть своя история. И это не обязательно история болезни. Впрочем, любая история, начавшись не как история болезни, может вполне ею закончиться. Но когда болен отдельный человек, это ещё поправимо – навалившись всем миром, можно его вылечить. А вот когда больно общество, надежда на выздоровление резко падает в цене. И моя история об этом, она является главным беспокойством моей души.

Здравствуй, читатель! Нет, лучше на «вы». Буду тешить себя надеждой, что вы не один, и заодно выкажу уважение. Рад вас видеть и слышать. И коль скоро вы решились выслушать меня, прошу не перебивать по пустячным поводам. А когда по ходу изложения моей истории я попрошу у вас совета, будьте добры, не молчите и говорите всё, что думаете. По части содержания я в себе уверен, а вот со стилистикой у меня могут быть проблемы, да и с лексикой тоже, и я буду признателен, если вы вовремя укажете мне на мои ошибки. Заранее благодарю вас за ваше заинтересованное участие в нашем общем деле: я рассказываю, вы слушаете. Вместе у нас получится. И сразу скажу, без околичностей, я человек

эмоциональный и могу иногда взорваться. Не берите в голову. Помните, я не желаю вам зла и отношусь к вам с полным уважением и благодарностью за ваше долготерпение. Дайте мне руку. О! Она у вас в меру тёплая. Ну-ка, а вы? И у вас тёплая. Значит, вы поймёте меня правильно. Если вдруг вас потянет в сон, вздремните, не стесняйтесь. Я не обижусь. И в это время поговорю с кем-нибудь другим.

Мне тридцать пять лет... кажется. Почему я засомневался? Очень просто. Иногда у меня бывает такое ощущение, будто я глубокий старик. Никакой позы. Это необъяснимое чувство. Оно сидит где-то глубоко внутри и высасывает из меня жизненные соки... Но не будем забегать наперёд. Вы поймёте потом, о чём я...

Я – журналист. Как бы журналист. Служу в журнале «Cosmonews» в отделе по связям с общественностью. Есть у нас такой никчёмный отдел. Состоит он из трёх человек: вашего покорного слуги (с элементами раболепия) и двух дам-близняшек чересчур бальзаковского возраста, взятых на освобождённые места старичков, подлежащих утилизации... стоп! что-то я не то ляпнул... Вычёркиваем. ...взятых на места старичков, *отправленных на пенсию*. Вот так лучше. Дамы не шибко образованы и знают ещё меньше меня. Я это понял однажды, услышав, как одна из них, беленькая, на голубом глазу уверяла другую, чёрненькую – они красят волосы в контрастные цвета, чтоб их не путали при выдаче зар-

платы – так вот, беленькая уверяла чёрненькую, что слово *космос* происходит от слова *косметика*. Полный улёт, правда? И сказала именно *происходит*, а не *производное*, что правильной и известно даже мне. Дамы отвечают на телефонные звонки и по сто раз на дню выходят в коридор покурить и заодно посплетничать. Я бы удивился, как у них хватает зарплаты на сигареты, если бы не знал, что они их стреляют у сотрудников журнала, подвернувшихся под руку. Словом, попрошайничают. Измываются над здоровьем окружающих за их же счёт. И ещё ни один, заметьте, не рискнул им отказать. При этом никогда не закрывают за собой дверь, словно обозначая этим своё присутствие на рабочем месте. Я некурящий, и потому, выпускаемая ими изо рта и врывающаяся в комнату, где мы работаем, дымовая завеса отравляет моё существование. А проще сказать, достаёт. Я начинаю задыхаться. Да и телефонную трубку постоянно приходится брать мне. Отдуваюсь за них. А я не для того тут поставлен (или посажен?), чтоб чужие обязанности исполнять (нет, всё-таки *посажен* тут не в масть, это же не тюрьма, хотя главред порой смахивает на тюремщика). Но призвать дам к порядку не могу. По той же причине, по которой другие не смеют отказать им в куреве. Вот они и трясут коллег безнаказанно по методу крышевальщиков. Дамы близкие родственницы нашего главного редактора. И с ними лучше не связываться. Он – акула пера и чего-то там ещё по части большого еврейского бизнеса. А я пока – простая рыбёшка (только

не *прилипла*), которая не желает из-за каких-то великовозрастных близняшек быть проглоченной и остаться без работы. Но я всё-таки изыскал способ борьбы с их беспределом. Я молча встаю и плотно прикрываю за ними дверь. И тут же распахиваю окно. И чем холоднее на улице, тем шире. А зимой так вообще полный экстрим. Что? Ещё как помогает! Мои дамы (то есть, они не *мои*, конечно, ну, вы понимаете) страшные мерзлячки. Так вот пусть знают, как портить воздух сослуживцам. Нет, *портить воздух* в других случаях говорится, да? Я помню, помню! Это когда кто-то вдруг не по делу расслабился. Ничего, для них и это сойдёт. Они ведь тоже не по делу расслабились. Не в том смысле, конечно, но расслабились. Они меня табачным дымом коптят, а я их в холодильник сую. Баш на баш.

Я женат, имею двоих детей, мальчика и девочку. Вернее, девочку (она старше) и мальчика. Так правильной будет сказать. Во всём требуется последовательность. Как видите, работе со словом обучаюсь на ходу. Учусь выражаться... То есть, выражаться-то как раз я и без того умею. А здесь лучше сказать так: учусь литературно *выражать* свои мысли (когда они у меня бывают). Чтоб каждый догнал в нужном ракурсе. Нет, здесь лучше сказать *дошло*, да? *Догнал* слишком жаргонисто. А лучше так: *чтоб до каждого дошло*. Ну, а в *нужном ракурсе* оставлю. Мне нравится. Свежая неожиданность. Сам придумал. Что? Почему детская? А, в этом смысле! Ну, вы даёте. Я ещё ничего не рассказал, а уж об-

смеяли на корню. Ничего, мне не привыкать. Столько всего наслушался про себя за последние триста лет. Что-то опять я не в ту степь... Скорей всего, за последние семь по нынешним меркам... И никакая я... то есть, никакой я не Тортилла... Просто я... неважно. Да, вам иногда может показаться, что я придурок. Может быть. Но это не так. Просто тут... такие ножницы образовались в два кольца и два конца, зашибись! И главное, не потерять гвоздика посредине. А то всё развалится. В разговоре у меня выходит запросто, лихо, можно сказать. А как начну писать, не всегда гладко получается. Нужные слова не всплывают. А ненужные прут, как на дрожжах. Тут другой стиль требуется. И я им пока не владею. Но ничего, ещё не вечер. Одолею. Я мужик упёртый.

Мою жену зовут Ариадна. Правда, необычное имя? Редко встречающееся. А мне нравится. Она тоже работает в нашем фирменном магазине (*журнале*, конечно, я его так в шутку называю, потому что по-английски журнал – magazine) редактором в научном отделе. И не потому, что умнее меня (хотя она и умней), а потому что у неё специальная подготовка. А я, можно сказать, неуч. Без какого-либо особого образования. Оно у меня чуть выше среднего, но гораздо ниже высшего. После школы работал актёром в городском театре, во вспомсоставе. На подхвате, как говорится. Если кто заболел, я тут как тут. И в массовках занимали. В искусство тянуло, а вышло... За кулисами быстрее учишься интриговать, чем чему-то другому, более полезному. Но мне

интрижки до лампочки... Или здесь лучше сказать *интриги*, да? *Интрижка* из другой оперы. Это когда кто-то с кем-то вась-вась на любовной почве, да? Хотя этого в театре навалом. А мне до лампочки. Короче, не интересуется. Да и пыли за кулисами наглотался... Так что... сами понимаете. Что? Пыльным мешком? Опять насмешки. А мне пофиг. Нет, чего-то я знаю, конечно. Но исключительно благодаря природному любопытству и, разумеется, самообразованию. Зато я книжки читаю! Съели?! И воображение у меня куда забористей, чем у всего зоопарка единомышленников в нашей редакции взятой скопом. Жену я обожаю и горло перегрызу всякому, кто посмеет её обидеть. Я ещё боксом занимался и конькобежным спортом. Это я так, к сведению. Чтоб не возбуждались особо. Она у меня красавица... и всё такое. А вообще-то я добрый малый и никому особых неприятностей в жизни не доставлял. Беспричинно не доставлял. Да, я такой. Мне нужна причина. А раз её нет, то и гуляй Вася. Пока причина не нарисуеться. И уж если нарисовалась, держись. А смеяться без причины или там дать в морду кому-то (опять же без причины) – мне не в кайф. Кстати, я оказался за прилавком в нашем в магазине (да-да, в *журнале!* это у меня юмор такой, пора привыкнуть) благодаря жене. Потому что она меня тоже обожает (я так думаю) и хочет видеть всегда рядом с собой. И наша совместная жизнь никогда бы ничем не омрачилась, если бы однажды...

Если бы меня однажды не спровадили в командировку...

Да-да, я понимаю, мог бы сказать *отправили* или *послали* (хотя *посылают* чаще всего, сами знаете куда), но *спроводили* тут в самое яблочко. И оно ближе к *послали*. Не отступлюсь. Ух! Даже дух захватывает. Но лучше начну с моего возвращения из командировки. Так будет и для вас увлекательней, и мне попроще. Сразу задам интрижку. Ха-ха! Шучу. *Интригу*, конечно. Хотел посмотреть, заметите вы или нет. Но я сам сразу обнаружил и под видом шутки вовремя исправился. Ловко? Ай, да Пушкин! Ай, да молодец! Это не я сказал, а Пушкин. Знали? А я не знал. А дальше всё по порядку пойдёт. Или как получится, уж извините. От ошибок никто не застрахован, как сказал Достоевский. Потому как за чужие ошибки никто платить не обязан. Это уже кто-то из нынешних сказал, а кто именно, не помню. Дело в том... Почему я вздохнул?... Да потому что... В общем, никто не может похвастать тем, что пришлось пережить мне. А я, при том, что фанат спорта, человек сильно впечатлительный. Можно даже сказать, весьма ранимый. И жутко прошу вас не перебивать. Лады? А то могу вдруг сорваться. Не обессудьте. Потому как нервы у меня после этой... грёбаной командировки... ни к чёрту. Ну, поехали!

Возвращение на Землю

Когда я вернулся домой... Хотя слово *домой* в данном случае выглядит дико, и вы скоро поймёте, почему... Так вот,

когда я вернулся домой, на Земле с момента моего отбытия прошло... пятьсот двадцать лет. Вообразите только, пятьсот двадцать лет! Откиньте пятьсот лет назад и упрётесь в посох Ивана Грозного, которым, как говорит легенда, он убил своего сына Ивана, предполагаемого Ивана V. Правда, если быть точным, Иван IV, в будущем Грозный, тогда ещё не родился. Я с историческим справочником сверился. Но скоро родится. От этого никуда не денешься. И тогда даст всем прикурить. А вам это позарез? И я не курю. Как сказал поэт тем, кто недоволен и наскокивает на своё время, как на чуму: *«Времена не выбирают, в них живут и умирают...»* Там ещё дальше он сказал... я точно не помню... типа, мол, чего ты... та-та-та... *«Ты себя в счастливицы прочишь, а при Грозном жить не хочешь?»* Я не хочу. А представьте, как может измениться жизнь через пятьсот лет вперёд. И Грозный может показаться дефективным младенцем. Голова кругом идёт, и мысль повисает тряпкой в безвоздушном пространстве. Вот вам и сюр чистокровный! Представили? Не можете? А я там оказался однажды... Ну вот, сразу «расскажи!» А я что делаю?..

Так вот, когда я примерно через пять лет вернулся домой, на Земле прошли все пятьсот, а точнее, пятьсот двадцать. Об этом возвестило табло на главной башне космического вокзала, узкой и высокой, как минарет. Я увидел её через иллюминатор. Сначала не поверил, подумал – зрение шалит. Отвернулся, снова гляжу в сторону башни – цифры, указы-

вающие на год, не изменились, даже стали ещё чётче: 2550. И когда я огляделся вокруг, оценил предвзятым взглядом людей, транспорт, строения, и окончательно убедился – табло не врёт, мгновенно вошёл в ступор... Да, вижу. Надо: *пришёл в ужас*, вы хотите сказать? Но *ступор* здесь убедительней. Ну и что, что сленг? А если он точнее передаёт моё состояние? Нет, *ступор* и всё! Не спорьте. Я вошёл в ступор! Да не в штопор, а в ступор! Я же просил не перебивать. И вообще, кто из нас рассказывает? Другое дело. Проехали. Леплю дальше...

В одну секунду у меня отнялась речь, онемели мышцы, и на какое-то время, всецело парализованный, я потерял способность самостоятельно передвигаться. Короче, в одночасье стал инвалидом. И возможно, на всю голову, то есть, повредился рассудком. И в моей ситуации это было бы наилучшим вариантом. Но удостовериться в истинном положении дел у меня тогда не получилось – сумасшедший никогда не признает себя сумасшедшим, так ведь? Да и сравнить было не с чем. Я был убеждён, что и весь мир окончательно сошёл с ума. И речь могла идти только о степени безумия (кто более – мир или я). Хотя не вижу существенной разницы между сойти с ума «окончательно» и сойти с ума «совсем чуть-чуть». Оба состояния сигнализируют о неменяемости и поэтому лучше всего их рассматривать, как: 1) индивидуальное безумие и 2) коллективное. А что глубже и страшнее – покажет время. Опять – время! Язык сболтнул при-

сказку старого опыта, а новый противоречит ему. А что, если и время сошло с ума?.. И стоит ли тогда принимать в расчёт его показания?.. Ответа не существует. Время и пространство трансформировали друг друга до полной неузнаваемости. И относительность того и другого предстала передо мной со всей очевидностью. Эйнштейн мог бы мне позавидовать – в результате реального космического эксперимента его теорию я испытал на собственной шкуре, и она стала для меня аксиомой. Во как! Классно вывернул, да? А вы как думали! Учусь помаленьку. С вашей божьей помощью.

Итак, стало быть, исходя из моих субъективных ощущений, я вернулся в НИКУДА. В голове вихрем пронеслось: ни родных, ни друзей, ни даже соседей по лестничной клетке уже никогда не увижу! Все – прах и тлен. И в редакции журнала «Космоnews», отправившую меня на задание, уже не побываю. Не увижу и её главного редактора, самоуверенного молодого уродца, безжалостно разогнавшего моих бывших коллег якобы за несоответствие должностям, а на самом деле – из-за призраков больного самолюбия: кто-то был на несколько лет старше его и опытней (нехорошо!), или кто-то был образованней и умней (тоже не годится!), или кто-то одевался лучше его (а это вообще не по правилам!) – стервятника, готового сожрать каждого, кто станет препятствовать ему в поисках любой, чаще скандальной, сенсации, не увижу тоже. Последняя потеря меня взволновала меньше

всего, даже обрадовала. Хотя сказать, что я тогда мог испытывать хоть какую-то толику радости, будет натянутым.

В противовес моему состоянию погода за бортом была ясная, и на фоне жёлто-голубого неба картинка города вырисовывалась донельзя чётко, указывая на фантастичность пространства с выписанными в нём с дотошностью реалиста деталями, будто созданная кистью Майкла Паркеса, приверженца магического реализма. Есть такой американский художник. Не знаете? Ну, а я знаю. Он жутко артистичен. Что-то среднее между сюрром и гиперреализмом. И при этом красота офигенная! Особенно женские фигуры... Он, конечно, немного эстет и в какой-то мере символист (я так думаю). А мне нравится. Особенно женские фигуры. Что? Я уже про это говорил? Ну, что поделаешь. Я такой. Мне нравятся его женские фигуры. Обязательно поинтересуйтесь при случае.

Дальнейшее происходило, как во сне. Я всё прекрасно видел, но не мог дать себе отчёта в том, какова на самом деле реальность. Словно мне оставили возможность созерцать, но лишили возможности осмыслить увиденное. И судя по всему, так было правильной в моём положении – ведь по здешним меркам я уже давно должен был сгнить в земле...

Меня вынесли из корабля люди в чёрных масках, скрывавших лица, в чёрных костюмах армейского покроя с золотой окантовкой на вороте и обшлагах. Они тут же заковали

меня в наручники и на специальном гиперфлаере¹ доставили куда-то в горы, в департамент космической разведки, как потом выяснилось.

Меня затащили в открывшийся волшебным образом проём в высокой башне, подняли на лифте примерно на уровень пятидесятого этажа и, крепко держа под руки, провели по круглой стеклянной кишке, пронизанной ослепительными лучами солнца (был полдень) и висящей над пропастью, в особый шарообразный бокс с небольшими иллюминаторами по бокам. Здесь было гораздо темней. Стены из чёрного шершавого, похожего на пластик, материала поглощали свет, и только лучи солнца из иллюминаторов световыми клинками пронизывали пространство и сходились над матовой поверхностью круглого металлического столика, ввинченного в пол. Бокс слегка покачивался, словно плавал по волнам – наверное, и вся башня колебалась от ветра – и моё самочувствие ухудшилось. Меня трясло, по всему телу гулял озноб. И ещё мне казалось, жизненные силы вытекают из меня, как вода из дырявой бочки. Я чувствовал себя плывущим на доске после кораблекрушения по волнам бушующего океана и был готов к тому, что вскоре моя жизнь, висящая на волоске, оборвётся, и моё тело, если ещё в верхних слоях не будет растерзано акулами-людоедами, поглотит тёмная бездна. Сначала меня изрядно поташнивало, но потом, когда немного привык, испытывал только приглушённый

¹ Летательный аппарат с электромагнитным двигателем. (Прим.-Ф.Н.)

ную боль во всех частях тела, внутри и снаружи. Жизненный финал на неопределённое время был отложен.

Люди в масках усадили меня на стул, пристегнули к нему за руки и за ноги (наверное, чтобы я не свалился на пол; о побеге не могло быть и речи), вкололи нечто бодрящее и бесшумно удалились, а точнее, внезапно исчезли, будто рассыпались на молекулы.

Допрашивала меня женщина, судя по внешности, китаянка. Нет, скорее, метиска. При монголоидном разрезе глаз радужная оболочка у неё была тёмной, но с синеватым оттенком. Я сразу обратил на это внимание, когда она вошла в световой шар – её глаза сверкнули голубоватым пламенем, так вспыхивает газ над конфоркой при зажигании. Да и скулы особо не выдавались. Она появилась внезапно, неизвестно откуда, словно материализовалась из воздуха в месте скрещения лучей. Или просто я её не сразу увидел, войдя с яркого света в тёмную шарообразную ёмкость. Когда зрение адаптировалось к тусклому освещению бокса, я разглядел её в подробностях. Энергичная, по-своему красивая и элегантная, она была довольно молода и постоянно улыбалась. Потом я понял, что её улыбка не знак расположения, а санкционированный элемент поведения, символизирующий доброжелательность. Но это случилось потом. А пока, несмотря на то, что меня особыми ремнями пристегнули к стулу, привинченному к полу, смотреть на неё было приятно. Она об-

ладада слишком идеальной фигурой и тоже была в чёрном по самое горло, но без маски. На голове жгучее черноволосое каре. Стройные ножки обтянуты чёрной кожей с золотым кантом по бокам. На покатых плечах – чёрная короткая куртка с широкими лацканами, под которой такая же чёрная, облегающая тело, блузка. Обута в короткие лакированные сапоги на высоком каблуке с золотыми застёжками. На её маленькой груди, упакованной в кожаные полусферические нагрудники, красовалась золотая звезда Империи. Она представилась агентом Центрального Блока Имперской Разведки (ЦБИР) по межпланетной миграции. Говорила она по-китайски – я это вывел из характерного произношения, но при этом я почему-то прекрасно понимал её, как будто мне в уши вставили слуховой аппарат с ненавязчивым переводчиком. Хотя не исключено, что я ошибаюсь, и она говорила по-русски, с тем незначительным акцентом, изобличающим её азиатское происхождение, который почти невозможно передать на бумаге. Особенно такому писаке, как я. И звуковой характер её речи я полностью отдаю на откуп воображению читателя.

В первый день прибытия, по вышеизложенным причинам, допрашивать меня было бесполезно. Я молчал, словно кто-то отключил моё соображение и заодно, за ненадобностью, речевой аппарат. К тому же, вливавшиеся в мои уши звуки никак не хотели складываться в смысловые комбинации.

Что мне говорили, слышал, но ничего не понимал. Сидел как пришибленный, безучастным болванчиком, покачивая головой из стороны в сторону. И меня оставили в покое. Так и проспал всю ночь, привязанный к стулу. Хотя смену дня и ночи сознавал смутно.

На следующий день она явилась снова. Или это было в этот же день спустя несколько часов. За точность не ручаюсь. Я потерял счёт времени. Опять представилась по полной программе и сказала, что её зовут Ли Цзы. Повтор подействовал на меня благотворно. Я потихоньку стал врубаться и вяло поинтересовался:

– Мне вас так и называть? Или можно просто Ли?

– Называйте меня «госпожа координатор», – сказала она сладким голосом. – И просто отвечайте на мои вопросы.

– Понял, не дурак.

Она улыбалась, но глаза её при этом не выражали никаких эмоций, словно были стеклянными. Я даже подумал сперва, что она робот.

И тут до меня дошло – несмотря на растянутые в улыбке губы, дамочка, назвавшая себя «госпожой координатором», не то чтобы юмора не понимает, но в лучшем случае, дистанцируется от него, опасается среагировать на него по неведомой мне причине. Ибо в целом она выглядела нейтрально-доброжелательной и не вызвала резко негативного впечатления. Меня схватили на ракетодроме, заковали в наручники, привезли чёрт знает куда, посадили на стул, связали,

можно сказать, подвесили в башне на огромной высоте, даже не накормили. Но она всем своим видом старается заглядеть передо мной издержки моего внезапного задержания. Как уже было говорено, я всегда стараюсь ни в чём не обвинять людей без достаточных на то оснований (беспричинно), потому именно таким образом истолковал её манеру допроса. И вид у неё, если не виноватый, то, по крайней мере, сдержанно-предупредительный. И ресницы подрагивают время от времени. Наверняка нас прослушивают, мелькнуло в моей голове, пришедшей, наконец, в полное сознание. И что им от меня нужно, не понимаю? Я и так являюсь жертвой относительности времени и пространства. Меня надо беречь, за мной надо ухаживать, теперь я самое уникальное существо на Земле. Я для них динозавр. Меня надо в музей поместить в качестве экспоната, а не подозревать чёрт знает в чём.

– Извините за неудобства, – она кивнула на ремни, стягивающие мои руки и ноги. – Исключительно в целях безопасности. Моей и вашей в том числе.

«Ну-ну, давайте, давайте, вешайте лапшу на уши!»

Я уже свыкся со своим положением, несколько успокоился и даже пытался острить. А что мне оставалось?.. В самых катастрофических обстоятельствах человека всегда спасало самообладание, а самообладание почти всегда вступает в силу благодаря чувству юмора. Единственному чувству, выделяющему человека, как вид, из мира животных. А что, раз-

ве не так? И потеря одного чревата возвращению к первобытному звериному состоянию. Впрочем, подобная метаморфоза отнюдь не из разряда фантастики. Кто смотрит на вещи здраво, понимает, о чём я...

И я начал юморить, чтобы поймать за хвост самообладание. Пускай не слишком остроумно, но мне значительно полегчало.

– Допускаю, – говорю (это я про ремни якобы безопасности). Чтобы я не улетел далеко от башни, когда она рухнет? И чтобы долго не искать мой раздавленный труп?

Госпожа координатор чуть ли не обиделась, отвернулась в сторону, пожевала губами и снова повернулась ко мне со своей неизменной улыбкой.

– Она не может рухнуть, – говорит.

– Всё когда-нибудь рухнет, госпожа координатор, – отозвался я тихо. – Как рухнул мой мир. Дело времени.

Госпожа координатор сделала не совсем по-китайски круглые глаза, поджала улыбочивые губы.

– Время не имеет значения. Важно: кто вы и чего хотите.

– Я уже ничего не хочу, – ответил я вяло и больше в пику госпоже координатору.

– Ваше имя?

– Михаил. Михаил Юркевич.

– Вы еврей?

Опа-на! Приехали. Если и можно задать вопрос, который и мёртвого разбудит, то госпожа координатор попала в точку.

Спрашиваю:

– А это имеет какое-то значение?

– Никакого.

– Тогда зачем...

Перебила.

– Отвечайте на вопрос.

– Нет, я русский, – говорю.

Госпожа координатор вдруг как-то странно замерла, будто зависла, и, пытаясь что-то отыскать на круглой столешнице, делала пальцем смазанные движения, как страницы листала. И одновременно с подозрением поглядывала на меня, всем своим видом давая понять, что я произнёс какую-то невероятную бессмыслицу. И вдруг:

– Такой национальности нет в списках Империи.

«Здравствуйте, приехали! А то я не знаю, есть я или нет».

– Куда же вы её, – говорю, – засунули?

Она мне с тупой настойчивостью:

– Вы лжёте. Есть только китайцы и евреи.

Стоп, говорю себе, если это юмор, то не смешной. А если она эту чушь утверждает всерьёз, то слишком трудно удержаться от смеха.

– Ну, знаете! Такого не может быть.

Она стоит на своём.

– Мне известна имперская история за все пятьсот лет с самого начала. И ни о каких русских нигде ни слова.

Я ей в свою очередь бросаю:

– Значит, вас тоже через ЕГ пропустили? Сочувствую. Древние говорили: чем больше человек уверен в своих знаниях, тем меньше он знает.

А сам подумал: «Если мне больше пятисот лет, а имперской истории ровно пятьсот, то я являюсь для неё *доисторическим* человеком? Руссокантропом? Поздравляю тебя Шарик, ты балбес!»

– Парадокс! – это она в ответ на мои слова о древних.

– Естественно, – говорю. – Но очень близкий к жизни. А американцы, надеюсь, есть?

– Нет никаких американцев.

У меня глаза на лоб, уши на затылок.

– А немцы? Французы? Англичане? Итальянцы? Турки..?

– У нас все – чайны. Мужчина – чайн. А женщина – чайна.

– А ребёнок – чайник, – вырвалось у меня не без злости. – Маленький такой, для чайной церемонии в кругу чайной семьи.

Теперь у неё глаза на лоб, уши на затылок.

– Я вас не понимаю...

– У вас и с юмором, как погляжу, проблемы.

Нет, вы послушайте дальше.

– А евреи, – говорит, – прекрасно устроились на Антарктиде. Это их земля обетованная.

Ну, уж после этого я всем своим многострадальным телом понял, зачем меня умные люди привязали. Да кто бы усидел на стуле при таком сногшибательном известии!

Стоп, стоп! Минуточку... Не надо возмущаться и не надо передёргивать! Я не юдофоб! И я хотел сказать, не *сногшибательном*, а *неприятном*!

Видимо, моё лицо при этом изобразило бескрайнее изумление, потому что она тут же добавила:

– Они сами так захотели. Там всегда много солнца. Они её так и называют «солнечная Антарктика». Их выбор был одобрен Имперским Советом.

Да-да, понимаю. Я, конечно, бываю порой не в себе, и чушь иногда порю, но я не идиот. Я так думаю. А дамочке из разведки, наверное, так думать, было бы сподручней.

«Ага, не слабо. И персики созревают», – сказал я себе, и в тот же самый момент по мне от ног до ушей пробежали мурашки, а в мозгу пролетело испуганной птицей: «На Антарктиду не хочу! Там несусветная холодрыга!», а вслух неожиданно ляпнул:

– Интересно, а куда вы хохлов сбагрили? В Арктику?

Ли Цзы по-кошачьи зажмурилась и пропела на высокой ноте:

– Хохлов? Вас сообщник?

Тут я не выдержал, рассмеялся в полный голос и почему-то вспомнил беременную госпожу из администрации сорок четвёртого президента США, позволявшую себе роскошь с недопустимым для её должности идиотизмом комментировать политическую обстановку в мире во времена украинского кризиса.

Госпожа координатор посмотрела на меня как на сумасшедшего (ой, как ей хотелось представить меня сумасшедшим!), однако с прежней невозмутимостью продолжила задавать вопросы по списку.

– Сколько вам лет?

Я и сам вдруг заинтересовался. И правда, сколько? Вообще-то мне должно быть около сорока... Но исходя из даты, увиденной мной на башне ракетодрома, я стал подсчитывать, каков может быть мой возраст на нынче. Спрашиваю:

– Сегодня какой день?

– Среда, сентября пятого.

– Ага... Если исходить из нынешнего земного летоисчисления, в ближайший понедельник мне шарахнет... пятьсот пятьдесят пять. Так примерно. Критический возраст. – Названная мной цифра в силу своей чудовищности спровоцировала спазм в дыхательных путях, благодаря чему из моего горла вырвался наружу нервический смешок. – А вам, прошу прощения, сколько?

– Здесь вопросы задаю я.

– Догадываюсь. И всё же?

– Сто двадцать три, – произнесла она с расстановкой. –

Но это к делу не относится.

Когда она это сказала, я уже вторично, с не меньшим энтузиазмом, поблагодарил умных людей, сковавших меня ремнями «безопасности». А потом подумал: она или смеётся надо мной, или за последние пятьсот лет учёные нашли спо-

соб неизмеримо удлинить жизнь. Или того хлеще: изобрели эликсир бессмертия. В данном случае мне это подходит. Поживу ещё сотенку, другую, огляжусь, выясню, что тут на Земле произошло в моё отсутствие. Если, конечно, мне позволят и не угробят раньше времени. Размечтался! Если мне не дадут поесть в ближайшие десять минут, то через пятнадцать я и без чужой помощи подохну, как бездомный пёс. А госпожа координатор, как ни в чём не бывало, продолжала допрос.

– Не надо много лишних слов. Просто отвечайте на мои вопросы.

«Боится, я снова отключусь. Не успеет допросить. Лучше бы пожрать дала». Меня опять затошнило. И я приуныл.

– Род занятий?

– Журналист.

– Что это значит?

– Слушайте... кончайте дурака валять!

– Отвечайте на вопрос.

– Пишу статьи... Освещаю события... как могу.

– Осведомитель?

Я немного обиделся.

– Осведомитель есть осведомитель, госпожа координатор. Он из другой оперы. Которая, очевидно, вам ближе. А я – журналист. Настаиваю на этом.

– У нас журналистов нет. Наши информационные каналы работают автоматически. И сведения постоянно поступают отовсюду в режиме реального времени, что исключает пред-

взятый подход к информации.

«Что ты можешь знать о реальности времени! – подумалось мне. – Забросить бы тебя туда, откуда я чудом вырвался».

И, словно подслушав мои мысли, госпожа координатор задала следующий вопрос:

– Откуда вы к нам прибыли?

– Что значит, к вам! Я вернулся домой! Из длительной, можно сказать, командировки.

– Отвечайте на мой вопрос.

– Я прибыл... с Диадемы, – сказал я, к своему удивлению, с некоторой долей мечтательности и вознёс глаза к небу, и сразу по всему телу прокатилось блаженное тепло. – Есть такая звезда в созвездии Волосы Вероники.

Но расслабляться было не время. И я заставил себя окунуться в реальность.

– У нас нет рейсов с Диадемы, – отрезала госпожа координатор. – И не может быть.

– С пересадками, конечно. Нашлись добрые инопланетяне. Нет, не добрые... Хотя... по-своему, добрые. Ведь не угробили окончательно. Только поиздевались немного. Несколько сотен годков... Всего-то и делов.

– Имперская канцелярия осведомлена о существовании созвездия Волосы Вероники.

– Надо полагать.

– Если вы утверждаете, что Земля ваш дом, то каким об-

разом вы попали на Диадему?

Этот глупый допрос стал мне надоедать. К тому же во рту страшно пересохло.

– Долгая история... Дайте воды... Мне нехорошо...

Госпожа координатор, как фокусник, выловила из воздуха двухсотграммовую бутылочку с прозрачной жидкостью, подошла ко мне. Затем расставила ноги и, коротко сжав ими мои колени, будто подала мне какой-то знак, всунула горлышко бутылки в мой рот. Что она хотела этим сказать, я так и не понял. В тот момент я уже соображал, но не настолько хорошо, чтобы улавливать в действиях собеседника скрытые смыслы. Мне просто было приятно касание её ног. Когда прохладная жидкость, совершенно безвкусная (дистиллированная вода?) омыла мои дёсна, мне немного полегчало.

Госпожа координатор, ловко извлекла из моего рта бутылочку со спасительной жидкостью, освободила мои колени и заняла прежнюю позицию. Я хотел было сказать ей: «оставьтесь в таком положении, но подумал, ей это не понравится».

– Сколько вы пробыли на Диадеме?

– По моим приблизительным подсчётам, я прожил на Диадеме... около пяти лет. А тут у нас... у вас... вон чего... Стало быть, на Земле время идёт быстрее, чем на Диадеме.

– Дело не в этом. Все времена в расширяющейся Вселенной существуют одновременно. Поэтому время не имеет значения.

Ну, это для моего слабого мозга не довод. Я даже не понял, *что* она сказала. Вы можете объяснить? Можете?! Я с вами дружу. Только не обижайтесь после, когда я закончу. Хорошо? А теперь я продолжу.

На этом допрос завершился. Госпожа координатор исчезла, как растворилась в воздухе. А я вдруг в одно мгновение почувствовал себя постаревшим, по крайней мере, лет на пятьдесят. Пока я пребывал в полусознательном состоянии, внезапно материализовавшийся из воздуха субъект в белом костюме в обтяжку (не то спортсмен, не то медицинский ангел, только что без крыльев) вколол мне какую-то жидкость.

Придя в норму, я сразу поинтересовался у госпожи координатора, *что* мне вкалывают и по какой причине. Сам я воспринимал инъекции, как акт насилия с целью лишить меня воли и вызнать истинную причину моего неожиданного для них появления на Земле.

– Успокойтесь. Вам вкалывают суперантисмертин. Для вашей же пользы.

«Ага, всё-таки они изобрели эликсир бессмертия! Круто!»

– Инъекции необходимы для поддержания на приемлемом уровне жизнедеятельности вашего организма, – про-

должала госпожа координатор. – Он должен адаптироваться к новому для него ритму времени. Тесты показывают, что если не делать этого, через месяц ваша жизнь угаснет.

– Я умру?

– Да, умрёте. От дряхлости.

«Если она говорит правду, значит, у них нет задачи сжить меня со света. Это немного успокаивает. Хотя жить вот так – нет никакого смысла».

Её слова подтвердились резкими изменениями в моём самочувствии. После очередной порции суперантисмертина, я как будто родился заново. Я почувствовал себя одиноким деревцем в пустыне, которое кто-то догадался обильно полить. Мышцы налились соком бодрости, мысль о самоубийстве отошла на второй план, а в известной области заиграли гормоны.

Ли Цзы была вся в красном с покроем того же фасона и выглядела по-женски притягательно. Я загляделся на неё, и потому мой рот выговорил самопроизвольно:

– Простите, вы замужем?

Из её реакции я вывел, что она не поняла смысла моего вопроса. Она свела глаза к переносице и застыла, как на картинке. А я заёрзал на стуле. Тошнота одолевала.

– Что с вами? – спросила она и, как мне показалось, с некоторым участием.

– Я хочу есть.

– Суперантисмертин одновременно является и питательным средством. Но если вы чувствуете голод...

Тут же в её руках оказались несколько тюбиков с едой. Госпожа координатор поочерёдно выдавливала из них нечто в мой рот. И мне, как младенцу, приходилось только разевать его и глотать. Кормёжка дефективных бакланов. Вкус первого тюбика напомнил мне грибной суп со сметанным соусом. И хотя я к грибам равнодушен, проглотил с большим удовольствием. Пастообразное вещество второго тюбика походило на вкус бараньих котлет. А третьего – моего любимого какао. Взбодрённый необычным обедом, я окончательно пришёл в себя. И в моём посвежевшем мозгу неожиданно возник насущный вопрос: «Интересно, а как тут у них с туалетом?»

Но госпожа координатор словно читала мысли.

– Все наши питательные вещества полностью усваиваются организмом и потому являются безотходными. – И тут же продолжила допрос: – Какова цель вашего прибытия на Землю?

«Опять двадцать пять!»

– Я разве не сказал, что вернулся домой?

– Где ваш дом?

– Вам нужен точный адрес? Пожалуйста: Мичуринский проспект, дом 32. Если он, конечно, сохранился. В чём я сомневаюсь. Мы сейчас где находимся? В Китае? А я живу в России, в Москве...

– Мы находимся в Империи.

– Ну, это понятно. А территориально где? В Европе? В Азии? Может, в Америке? В какой мы стране?

– Стран, которые вы назвали, в Империи не существует. Есть острова-гиганты глобальной Империи и Антарктида.

– Про Антарктиду я понял. Теперь там новый Биробиджан, то бишь, Еврейская автономия. Но говорю сразу: туда не поеду. Лучше давите. И не потому, что я не еврей. А потому что не пингвин.

При одной мысли об Антарктиде меня бросило в дрожь. Озноб распространился по телу с невероятной быстротой. Началась головная боль. Пару раз, помню, меня стошнило. Потом я почувствовал изнуряющий жар. Всё поплыло передо мной. Лучи из иллюминаторов задвигались, как прожектора в цирке. Госпожа координатор заплясала перед глазами, как гимнастка на батуте. И через какое-то время, абсолютно обессиленный, перепачканный собственной блевотиной, я потерял сознание...

...Когда я очнулся, госпожа координатор уже была вся в синем. Как же долго я находился в бессознательном состоянии, если она успела переодеться? И где у них тут гардероб, непонятно... Я осмотрелся. От блевотины на моём костюме не осталось и следа, и он благоухал свежестью. Неужели, пока я был в отключке, меня сдавали в химчистку? И от накопившейся во мне жидкости меня тоже каким-то образом

освободили. Я чувствовал себя не скажу, чтобы комфортно, но облегчённо.

Госпожа координатор снова, как и в первый раз, представилась агентом имперской разведки и сказала, что её зовут Ли Цзы. Это уже перебор. Я же не сумасшедший. И с памятью у меня пока всё в порядке. Я так думаю.

И вдруг госпожа координатор тянет руку под столик, достаёт что-то и показывает мне.

– Что это?

Я обалдел. У неё в руках была обезьянка моей дочери.

– Откуда это... у вас?

– Она лежала в кармане вашего комбинезона. Это какой-то знак? Что она означает?

«Что за бред! Что она может означать? Просто игрушка»

Но я не мог ей ответить сразу... Мне нужно было время... При виде обезьянки, чудом оказавшейся в моём кармане, я... Ну, вы понимаете... Горло как обручем стянуло. И я давился... давился безобразно постыдным комком, перекрывшим мне горло, пытаюсь затолкать его обратно... Нет, не хочу, чтобы она видела меня настолько слабым. С большим трудом мне удалось взять себя в руки.

– Это обезьянка из далёкого прошлого... игрушка моей... дочери...

Госпожа координатор приблизилась ко мне и молча, замедленным движением руки, сунула обезьянку в мой карман. С минуту она стояла близко ко мне, почти вплотную.

И мне вдруг захотелось – вот уж чего в себе не замечал! – чтобы она меня пожалела. Не как агент, конечно, а по-человечески пожалела, как это умеют только женщины. Дотронулась бы до меня рукой или так же, когда поила водой, сжала бы своими ногами мои колени... Пауза была весьма рискованной. И для меня, и для неё. Ведь за нами наверняка следили. Или шла запись, всё равно. Не знаю, как у них тут теперь делается... И, кажется, госпожа Ли Цзы, это почувствовала. И моё желание тепла, и то, что она рада бы, но ей подобное непозволительно. Я не уверен, но кто знает, что творится в душе женщины... Она вдруг быстро отошла в сторону и спросила:

– Успокойтесь. Всё хорошо?

Я утвердительно мотнул головой.

Она снова напустила на себя агентурную суровость и, судя по её виду, была настроена весьма решительно. Значит, мне показалось. Желаемое выдал за действительное. И что я себе вообразил! Она всё-таки не женщина, а кусок гранита в женском обличии. Склонившись над круглым столиком, госпожа координатор принялась меня гипнотизировать. Её руки легли локтями на столешницу, конечные фаланги пальцев она подобрала на манер кошки, выпустившей когти и готовой процарапать матовую поверхность, а глаза, сверкающие голубым огнём, с прорицательским пафосом сфинкса впились в меня и, казалось, пронзили мой мозг до самого затылка.

Но с некоторых пор на меня такие штуки не действуют. Всякое успел повидать. И там, где мозги в цене, и там, где их вообще нет. И на космических трассах, и в созвездии Волосы Вероники... Земным существам такое и не снилось. Чего только ни проделывали со мной в этом космическом дурдоме. Я стал, как губка. Меня сжимают, а я потом распрямляюсь. Меня растягивают, а я снова возвращаюсь в свои пределы. Из меня лепят пирожок, а я как был бубликом, так им и остаюсь. Придумайте что-нибудь пооригинальней, мадам. Если бы она посмотрела на меня, как женщина, сочувствующая моему горю, я, может быть, и раскололся. Ну, в смысле, доверился бы ей полностью. Потому что, собственно, раскалываться мне было не в чем. В шпионском смысле я был невинен, как белая овечка.

– Спрашиваю ещё раз, – заклинала она, растягивая слова, как натягивают тетиву, чтобы выпустить стрелу в заданном направлении, – кто с Диадемы послал вас на Землю и с какой целью?

Я звучно выдохнул и коротко рассмеялся. Мне это порядком надоело. Видела бы она диадемцев! Но как бы то ни было, мне не верят. И это их проблемы. Делайте со мной, что хотите, а я всё сказал. Я уже окончательно очухался и стал по-прежнему довольно трезво соображать. И в ответ мне просто хотелось послать госпожу координатора вместе со всей её дознавательской конторой куда подальше. Они, видите ли, вообразили, будто я галактический шпион. Ну,

и воображайте себе на здоровье. И я решил поставить точку в навязанной мне комедии.

– Да кому вы нужны на Диадеме! И то, что вы меня принимаете за шпиона, смешно, в самом деле! Уж не знаю, какие у вас там тёрки с диадемами, но это чистейшее недоразумение!

Наконец, госпожа координатор одумалась.

– Если это недоразумение, как вы говорите, у вас есть возможность оправдаться. Опишите ваше путешествие с того момента, как вы покинули Землю, и до того, как на неё вернулись. Расскажите во всех подробностях. Мы вас не торопим. Просто сидите и рассказывайте. И эту запись мы представим Высшему Имперскому Суду (ВИС).

Сказав это, она исчезла.

Ну что ж, по крайней мере, по-деловому. И мне будет небезынтересно последовательно описать свои космические приключения, чтобы хоть в какой-то степени осознать, что со мной произошло. Итак, приступим к отчёту о своей командировке и вынужденному путешествию в пространстве и во времени, благодаря моей злополучной звезде...

Глава четвёртая

На этом рукопись обрывалась. Это всё, что осталось от повести, которую принесла Мария доктору, и то благодаря тому, что некоторые листки случайно залетели под кровать. Остальные, как известно, были им сожжены.

Через три дня доктор позвонил Марии.

– Мария Фёдоровна?

– Да.

– Здравствуйте!

– Добрый день...

– Это Роман Борисович.

– А, здравствуйте, Роман Борисыч! Как папа?

– Работаем, обследуем...

– Повесть прочли?

– Какую повесть, простите?

– Повесть отца, которую я вам давала в распечатке?

В телефоне повисла пауза недоумения.

– Не припоминаю такого...

Мария тоже молчала в замешательстве. Потом спросила:

– Что-нибудь... случилось?

– Да нет, всё в порядке. Просто я хотел спросить, почему вы не навещаете вашего отца. Первое время хотелось бы почаще. Он спрашивает...

– Как? Вы же сами сказали, не появляться дней десять.

– Я вам это говорил?

– Да.

– По телефону?

– Да нет, в тот день, когда я привезла отца. Мы ещё встретились в коридоре... И тогда я дала вам его рукопись...

– Не мог же я этого забыть... Да, обычно я так и делаю...

Но в данном случае... В котором часу вы привезли отца?

– В двенадцать, как вы назначили. А минут через сорок мы с вами разговаривали.

– Вы меня простите, Мария Фёдоровна, но, скорей всего, мы с вами ещё ни разу не встречались. В тот день я очень задержался и приехал в клинику только к трём часам. А после этого вы не приходили.

– Как же так?... Я ещё просила вас не говорить отцу, что дала вам распечатку без его разрешения... А вы мне: «Молчок, не подведу. И непременно прочту. Люблю, знаете, всякие фантазии...»

– А! – доктор неожиданно рассмеялся. – Я всё понял! Вас, наверное, подловил наш пациент, по прозвищу «доктор»! Сёстры так его окрестили. Вас ввели в заблуждение, Мария Фёдоровна. Но ничего страшного. Он абсолютно безвредный, – доктор, наконец, посерьёзnel. – Это я виноват. Прошу прощения. Не предупредил. Мы не препятствуем ему. Я даже распорядился выдать ему белый халат. Так он постоянно на виду и за ним легче наблюдать. Он просто не в со-

стоянии идентифицировать свою личность и примеривает разные маски. Ему необходимо подменять собственную личность, которой он не улавливает, другой и действовать от её имени. В ней он находит психологическую опору. В этом суть болезни. «Не сравнивай, живущий не сравним», как сказал поэт. И это точка зрения всякого нормального человека. А он... Весьма интересный субъект для исследований. Вот избрал меня для подражания. И весьма успешен в этом. Новенькие попадают на его крючок. Кстати, мы с ним одного возраста и весьма похожи внешне. У нас и голоса схожие. Нас даже зовут одинаково: он тоже, представьте, Роман Борисович. Только фамилии разные. Он – Любштейн, а я – Кульман.

– Понимаю... То есть... А как же рукопись?

– Не беспокойтесь. Я у него обязательно заберу вашу рукопись.

– Она не моя.

– Да-да, вашего отца, конечно. И тут же ознакомлюсь с ней. А вы приезжайте завтра... часиков в десять утра. Можете?

– Конечно, смогу.

– Чудненько. Повидаетесь с отцом и заодно поговорим.

Спустя час Роман Борисович перезвонил и сообщил Марии об утрате большей части повести.

– Он её уничтожил, стервец! Что-то ему там не понра-

вилось. И мне очень любопытно, *что* именно. Сохранилось всего несколько начальных страниц. Сестра обнаружила их под кроватью. Видимо, уронил и не заметил. Так что, если вам не в труд, привезите продолжение.

– Конечно, Роман Борисыч! Без проблем.

– Чтобы не распечатывать лишнее, скажу, чем заканчиваются оставшиеся страницы.

Доктор продиктовал Марии последнее предложение.

– Поняла. Привезу обязательно.

На другой день Мария приехала в клинику раньше назначенного часа. Повидавшись с отцом, отправилась к доктору. Сестра, предупреждённая Романом Борисовичем о визите дочери писателя Неверова, провела Марию прямо в кабинет главврача.

Войдя в кабинет, Мария оторопела. Поднявшийся ей навстречу мужчина был копией того, с которым она разговаривала в тот день, когда привезла отца, и которому передала рукопись.

– Роман Борисыч?..

– Это я, Мария Фёдоровна, доктор Кульман, не сомневайтесь. Проходите, пожалуйста, – доктор протянул к вошедшей обе руки. – Кабинет главврача – единственное место, где нельзя на мой счёт ошибиться. Сюда моему двойнику вход запрещён. Присаживайтесь.

– Прямо не верится... Как близнецы.

– И что характерно, в родстве не состоим. Даже в отдалённом. Что поделывать, каприз природы. Отца видели?

– Да, спасибо. Что с ним, Роман Борисыч?

– Судя по всему, он страдает ОКР.

– Что это?

– Обсессивно-компульсивное расстройство. Популярнее: невроз навязчивых состояний. Некая фобия. Он испытывает тревогу от навязанных себе самому мыслей, образов... Вы были правы, он, по всей видимости, идентифицирует себя с героем своей повести. И принимает на себя все его беды. Его мозг живёт в воображаемом мире, и этот мир ему крайне враждебен. Мы ещё до конца не разобрались, но повесть, окончание которой вы привезли, многое может прояснить...

– Да-да, – Мария достала из сумки пачку листов, положила перед доктором. – Это продолжение, как вы и просили.

– Чудненько. Мне кажется, его расстройство, выражаясь научно, дискретно. То есть, пока проявляется прерывисто, пунктиром, так сказать. Вы вовремя спохватились. Думаю, у нас есть все шансы ему помочь. Как он вас встретил?

– Сегодня пообщались нормально. Он меня узнал и вообще... в адеквате, по-моему. Интересовался моей новой книгой. И не был столь нетерпим ко мне, как дома в последнее время.

– В том всё и дело. Эта болезнь, если у него болезнь, крайне обманчива. Человек, бывает, настолько отдаляется от собственного «я», и выбранное им лицо настолько удовлетво-

ряет его внутренним потребностям, что он и не желает возвращаться обратно, считая, что в том качестве, от которого отказался, он никому неинтересен. Это я уже не о вашем отце. В наше время подобные расстройства распространены. Они очень разные и проявляются по-всякому. Но суть одна. Человеку с самим собой как-то неуютно, он падает, образно выражаясь, и потому придумывает себе опору в чём-то постороннем и, чаще всего, ему совершенно несвойственном. И страдают этим, в основном, люди сравнительно молодые. И это по-человечески понятно. Они боятся прожить жизнь впустую. Они хотят заявить о себе. Их гнетёт страх оказаться не при деле, грубо говоря. Ведь каждому хочется состояться, быть значимым. Так ведь?

– Пожалуй.

– Но не у всех это получается. В силу разных причин. И внешних, и внутренних. И порой не от них зависящих. Да и жизнь коротка. Можно вовремя не успеть. – Доктор говорил с мальчишеским азартом и сам удивлялся собственному красноречию, но остановиться не мог, глаза его блестели, а щёки налились младенческим румянцем. – А тут ещё и общество давит, навязывает определённые стандарты. Да и многие государственные и общественные институты, как это ни прискорбно, работают на нивелирование самобытности, пытаются вырастить послушную среднестатистическую единицу, то есть, подминают человека под выдуманные программы, порой глупые и претенциозные, не учитывая ин-

тересов самой личности. Да и в семье – чего уж тут греха таить! – с воспитанием часто неблагополучно. А ведь тяга к значимому проявлению себя у многих неистребима. Тут и ломается психика. И человек, с подавленной на раннем этапе взросления, присущей только ему, природной особенностью, в конце концов, ищет выход в чём-то другом. Особо отчаявшихся одолевает синдром Герострата. А кто-то хватается за различного рода востребованные в обществе маски. Как наш «доктор», к примеру. Ему хочется быть на виду, кого-то изображать, чтобы таким образом привлечь к себе внимание окружающих. Он хочет быть услышанным. Как известно, жизнь – театр. Но я, кажется, слишком ушёл в сторону. Простите.

– Вы хотите сказать, все мы в той или иной степени участвуем в мировом спектакле?

– А разве не так? Только кому-то больше повезло, и он на главных ролях. И играет их достойно. А кто-то захватил чужие роли и пыжится быть на высоте, но кишка тонка. И он эту роль, грубо говоря, «заваливает». А это уже проблема. Потому что далее следует психологический срыв. Да вот вам аналогия... если не то же самое. Смóтрите шоу «Один в один»?

– Да, конечно, – ответила Мария, улыбнувшись, словно вдруг поняла, что сама является причиной необычайной говорливости доктора.

– В центре внимания – талант пародирования, способ-

ность, а главное, потребность – вы слышите, *потребность!* – выдавать себя за другого. Наша клиника исследует именно этот феномен. Может быть, я, конечно, утрирую... Ну, да ладно, – доктор, наконец, сменил тему и положил руку на рукопись. – Вернёмся к вашему отцу. Мне очень любопытно, что он там дальше насочинял. С началом я ознакомился. Пока мне нравится. Задумка весьма интересная. Кстати, как эта повесть называется? Уборщица обнаружила в туалете пепел от сгоревшей бумаги. Лишь клочок сохранился от титульной страницы с фамилией вашего отца.

– Повесть называется «Роковой вояж».

– Очень характерное название! – доктор приписал сверху название. – И «роковой», как нельзя кстати. Работает в пользу вашего отца.

– Что вы хотите сказать?

– В нём присутствует некая отстранённость. Даже некоторая самокритичность. А это не совсем то, о чём я подумал вначале.

– То есть, вы хотите сказать, папа не болен?

– Пока ничего определённого. Потерпите. – Доктор провёл рукой по рукописи. – Обязательно прочту, Мария Фёдоровна.

– Можно просто Мария.

– Просто Мария. Чудненко. Так в своё время назывался один мексиканский сериал, если мне не изменяет память, – усмехнулся доктор мечтательно, поправив очки.

В это время за дверью послышались чьи-то торопливые шаги и возбуждённые голоса. Мария насторожилась, оглянулась на дверь.

– Что-нибудь не так? – доктор привстал.

– Это правда, вы? – спросила Мария с тревогой.

– А... Я сказал что-нибудь похожее на то, что он вам говорил?

– Слово в слово.

– Поразительно! Он, как говорится, вжился в роль. Изучил мой лексикон, мои интонации... Может предугадывать все мои реакции. Из него мог бы получиться превосходный актёр.

– А он?..

– Не поверите. Всю жизнь проработал слесарем-водопроводчиком. И хороший был водопроводчик, как мне говорили. Академик, так сказать, в своём деле. Но его тщеславию этого было мало. Не хватало публичности. И если бы он начал жить сначала...

– А если я опять вдруг... Как же вас различать?

– Увы, чтобы нас различить, надо и мне, и ему одновременно предстать перед вами раздетыми донага, извините за откровенность, – доктор смущённо улыбнулся. – У нас есть различия в строении тела. Но не будем экспериментировать. Это не обязательно. Да и не имеет значения. Всё дело в психологической убедительности, уважаемая Мария Фёдоровна. А вы литератор, так сказать, художник слова, должны

быть наблюдательны... У меня есть разного рода привычки и пристрастия, которых нет у него и о которых не знают те, кто со мной мало знаком. Я не имею в виду вредных привычек. А только те, которые отличают меня от него. И его от меня. Вот так. Прощу прощения, а теперь мне пора на обход. Поезжайте домой и ни о чём не беспокойтесь. Раз в неделю, скажем, по средам, можете отца навещать. Думаю, этого вполне достаточно. Ну, и о ходе обследования я вас буду по необходимости информировать. Я ведь могу вам позволить?

– О чём разговор! Звоните, как потребуется, Роман Борисыч.

– Спасибо. Пусть погостит у нас с месячишко. А там посмотрим.

Доктор замолчал и некоторое время, не замечая за собой, некоторой нетактичности своего поведения, пристально глядел на Марию.

– Что-то ещё, Роман Борисыч? – Мария подумала, что всё-таки доктор решил затронуть вопрос оплаты.

– Нет-нет, это всё. – Доктор тряхнул головой, словно желая освободиться от некоего наваждения, поднялся, подошёл к Марии, поцеловал ей руку. – Вы, верно, подумали об оплате? Забудьте. Весьма рад знакомству. И простите мою мужскую бесцеремонность. Но что поделаешь, вы неотразимы.

Мария зарделась. И в этот момент в ней проклюнулись

признаки того самого женского обаяния, которого раньше так ей не доставало. Её красота вдруг как бы высветилась изнутри. Цветок приоткрыл свои лепестки, поманил едва ощутимым и непередаваемо чудесным запахом. И доктор повёлся на это.

– Спасибо. До свиданья, Роман Борисыч!

– Всего хорошего!

– Спасибо вам за всё!

– Благодарить будете потом.

Доктор проводил Марию до двери и подошёл к окну. Какое-то время он стоял у окна и наблюдал, как она подошла к машине, как открыла дверцу, как села, бросив последний взгляд на лечебницу, как отъехала, как выехала на дорогу, ведущую в город, и скрылась за деревьями. Затем совершил обход, дал кое-какие указания дежурным медсёстрам, а вернувшись к себе, сел в кресло и углубился в чтение.

Глава пятая

Рукопись Фёдора Неверова (продолжение I)

Командировка на Марс

10 сентября 2030 года мой работодатель, владелец журнала «Cosmonews» и он же главный редактор, командировал меня на Марс, чтобы осветить жизнь марсианских колонистов...

Когда я произнёс эту фразу, прямо передо мной, с неподражаемой ловкостью Чеширского кота, возникло лицо Ли Цзы.

– Постарайтесь обойтись без дат, – сказала оно с ослепительно белой улыбкой. – Время не имеет значения.

– Это невозможно, – ответил я.

– Сейчас, – не сдавалось оно, по-прежнему демонстрируя белоснежные зубы, – на Земле 500 год Эры Перегрузки. Это всё, что вам нужно знать о времени.

– Вы сами сказали, время не имеет значения. И когда я прилетел, на башне ракетодома, к вашему сведению, была цифра 2550!

– Случайный сбой электроники. Такое бывает.

Я тоже не сдавался. Или я сошёл с ума, или меня с ка-

кой-то целью хотят представить сумасшедшим.

– Послушайте... чтобы рассказать последовательно обо всех моих злоключениях, мне необходима хоть какая-то ориентация во времени. Я уж не говорю о пространстве.

– Время не имеет значения, – повторила госпожа координатор с тупой настойчивостью. – И пространство – тоже.

«Для тебя не имеет, глупая ты гусыня!»

И тут нервы мои не выдержали, я взорвался.

– Я же катастрофически влип! Неужели вы не понимаете? Подключите воображение! И я какое-то время жил на Земле до вашей Эры Перезагрузки. А 10 сентября 2030 года – отправная точка. В тот день были живы мои мать и отец, жена, дети, у меня была хорошая работа, были друзья... И меня заверили, что через год я к ним вернусь... И если вы хотите что-то узнать, оставьте меня в покое, чёрт бы вас побрал вместе с вашей Империей! Буду вспоминать, как посчитаю нужным. И сделаю это не столько для вас, сколько для себя. Мне необходимо самому осознать, что со мной произошло... Я столько пережил, что уже ничего не боюсь. И если бы не ваши ремни безопасности, я бы уже давно выбросился из этой грёбаной башни! – тут я физически почувствовал, как сердце моё раздулось до предела, готовое разорваться, и к горлу подступил ватный комок... однако для слёз в организме не нашлось влаги – настолько чудовищными были обстоятельства, в которые меня забросила судьба – и я продолжил по инерции, как бы в своё оправдание: – Мне обещали хо-

рошие деньги... и я хотел совершить экскурсию на Марс...
такое в жизни бывает только раз... и заодно заработать...
А получилось... потерял всё!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.